

Вовк Ю.Б.

Дезагрегация как метод исследования неокорпоративизма в современной политической науке

*Вовк Юрий Богданович, аспирант кафедры теории и истории политической науки
Львовский национальный университет имени Ивана Франко, г. Львов, Украина*

Аннотация. В статье исследуется возможность использования дезагрегационного метода в современном научном изучении неокорпоративизма. С этой целью анализируются идейно-структурная целостность феномена и влияние на него глобализационных вызовов. Определяются главные особенности современного неокорпоративизма и рассматривается целесообразность применения дезагрегационного метода к исследованию феномена.

Ключевые слова: неокорпоративизм; дезагрегация; глобализация; группы интересов; постсоветское пространство.

После распада СССР большинство созданных государств решили идти путём демократизации. Но, как вскоре подтвердилось, более чем семь десятилетий советской власти не могли не сказаться на дальнейшем развитии этих стран. Радикалы утверждали, что демократия здесь вообще невозможна и нежелательна. Умеренные начали поиски моделей демократии, наиболее соответствующих постсоветским реалиям (либеральная, элитарная, социальная?), и схем развития отношений между новыми группами интересов и государством (плюрализм, неокорпоративизм). Учёные взялись за теоретическую разработку этих проблем, но оказалось, что некоторые из объектов изучения сложно идентифицировать, а еще сложнее измерить их эмпирическим путём. К таким, на наш взгляд, относится и вопрос о неокорпоративизме.

Цель статьи – доказать, что дезагрегация неокорпоративизма является необходимым условием его исследований в современной политической науке. Для достижения цели были сформулированы такие задачи: определить объективные причины “размытости” понятия “неокорпоративизм”; указать главные трудности в эмпирическом измерении феномена; рассмотреть последствия влияния глобализационных процессов на исследования неокорпоративизма.

Изучение неокорпоративизма – молодая отрасль украинской и российской политической науки, хотя уже существует достаточное количество исследований на эту тему. Заслуживают прежде всего внимания политологи – авторы диссертационных работ по исследованию неокорпоративизма: А. Балан, Я. Боренько, Т. Гермаш, В. Гончар, Н. Каламанова, О. Лагутин, Е. Лобачёва, В. Майклсон, Е. Потапова, З. Темижева, Е. Юдина и др. Они раскрыли теоретические особенности неокорпоративизма, его главные черты в качестве модели отношений между группами интересов и государством, потенциал в глобализованном мире. Известны также работы С. Перегудова – пионера исследований феномена в российской политологии, который изучал виды западного и российского неокорпоративизма и В.Кременя, изучавшего те же проблемы, но в украинском аспекте.

В предыдущих российских исследованиях мы не встречали применения дезагрегационного метода по отношению к неокорпоративизму. Заметим, однако, что в западной политологии это направление более развито, но и там оно рассматривается не как целостный подход, а как неупорядоченная совокупность разных идей ученых.

Итак, на наш взгляд, понятие неокорпоративизма не имеет чёткого определения по объективным причинам и прежде всего – историческим. Неокорпоративизм, являясь обновлённым преемником корпоративизма, не может отказаться от общих со своим предшественни-

ком идейных истоков. Главные из них выделил Р. Ньютон: органическая теория общества Берка; взгляды Гердера и Гегеля на нацию и общество; сформулированные в конце XIX – начале XX века идеи солидарности Дюркгейма и социал-демократии в целом; католические идеи примирения классов во Христе; радикальные синдикалистские идеи. Тщательный анализ этого многообразия подтолкнул учёного к выводу, что исследуемый феномен соединил в себе и хорошо обдуманные, и плохо подготовленные идеи^[13,36-37]. В результате в первой половине XX в. одновременно возникли и “левая” (преимущественно анархосиндикалистская), и “правая” (преимущественно фашистская) версии феномена. Первые ненавидели государство и стремились к тому, чтобы оно не существовало вообще, вторые – боготворили последнее. Но и те, и другие скептически относились к роли парламента. Если у первых это объяснялось отвращением ко всему государственному, то у вторых – тотальным подчинением идеологическим целям. То есть, законодательный орган мог формально существовать, но своих традиционных функций он не выполнял. У праворадикалов парламент ассоциировался с либеральной демократией, которую они желали окончательно демонтировать. Таким образом, и левые, и правые версии корпоративизма не предусматривали адаптации к демократии и после окончания Второй мировой войны сошли на нет. Как справедливо утверждают Л. Кенворси и В. Штрек, эти теории корпоративизма изжили себя, ибо не учитывали прогрессирующей функциональной дифференциации общества и рынка. Поэтому мощные организованные общности с определёнными целями начали преимущественно рассматриваться в стиле англоамериканской традиции – как группы интересов^[10,444-445]. Вскоре неокорпоративизм явил себя как модель отношений между ними в демократическом обществе.

Новый всплеск интереса к исследованиям корпоративизма начался со статьи Ф. Шмиттера “Все ли ещё столетие корпоративизма?” (1974). Речь шла не столько о “старой” версии, сколько о новом, адаптированном к условиям либеральной демократии, виде, который учёный назвал социетальным в противовес этатистскому корпоративизму. Он предложил общую дефиницию для этих феноменов, и девять критериев различия, основанных на двусмысленности составляющих частей определения^[14,103-104]. Необходимо подчеркнуть, Шмиттер сразу предупредил: его дефиницию нужно воспринимать как идеальную, а не как дословно-эмпирическую. Такое определение феномена со временем стало классическим. Сегодня эта дефиниция считается “визитной карточкой” институционального подхода или неокорпоративизма-1. Последний делает акцент на составляющих структуры неокорпоративных практик, то есть на стабильном фундаменте последних.

В связи с этим особое внимание уделяется государству, группам опосредования интересов (корпорациям) и вообще всему, что связано с институциональными особенностями феномена. В дополнение к названному подходу в 1977 г. возникло новое течение, впоследствии получившее название функционального подхода или неокорпоративизма-2. Его автор – Г. Лембрух – предложил дефиницию феномена, обращая внимание на формирование государственного публичного курса с активным участием групп интересов в этом процессе [12,93-94]. В начале 80-х годов XX века появилась новая отрасль, изучающая вертикальные срезы неокорпоративизма – макро-, мезо- и микрокорпоративизм. Интенсивно исследовалось также соотношение неокорпоративизма и плюрализма как моделей взаимоотношений между группами интересов и государством.

Но в то же время возник важнейший вопрос: действительно ли неокорпоративизм внёс новое в науку? Конечно, не оспаривалось, что с его помощью удалось объяснить и уточнить некоторые научные сведения, но под сомнение был поставлен первичный пафос Ф. Шмиттера, который преподносил неокорпоративизм в качестве легко наблюдаемой и независимой альтернативы плюрализму во взаимоотношениях между группами интересов и государством. Уже в начале 80-х годов XX в. началась “контратака плюралистов”. Например, Г. Алмонд занял очень жёсткую позицию, заявив: 1) неокорпоративизм не решил своих концептуальных проблем и не достиг прогресса в достижении поставленных целей; 2) это – очередная попытка “выдумать велосипед” во времена кризиса плюрализма; 3) неокорпоративизм – разновидность плюрализма, что отличается от более дезагрегированного компетитивного вида, с одной стороны, и от контролируемого государством – с другой [3,с.175-178]. Еще один критик исследуемого нами феномена – Г. Джордан – утверждает, что в политическом дискурсе разница между неокорпоративизмом и корпоративным плюрализмом нечёткая, и это часто ведёт к путанице [8,145-147].

Мы не полностью согласны с такой критикой, так как смотреть на мир исключительно сквозь призму плюрализма, лишь добавляя необходимые приставки, – неправильно. Но несомненно – между неокорпоративизмом и плюрализмом нет пропасти в реальной политической практике. Органическое их сочетание (на это указывал также Г. Джордан) подтвердил К. Крауч, анализируя индустриальные отношения между организациями Капиталом и Трудом. Он сначала предложил континуум: авторитарный корпоративизм ↔ либеральный (переговорный) корпоративизм ↔ переговорный плюрализм ↔ противостояние, где экстремумы отличаются только репрезентативной либо только дисциплинарной ролью представителей [7,457]. Два года спустя учёный предложил идеальные математические формулы для каждого из видов, при этом показав, как без внешнего вмешательства и принуждения один тип отношений органично перерастает в другой [6,63-88].

Несмотря на то, что в 1979 – 1982 годах под руководством Ф. Шмиттера и Г. Лембруха мир увидели два сборники работ по исследуемому феномену и, как следствие, – неокорпоративизм обрёл осязаемую структуру и понятийно-категориальный аппарат, его дезинтеграция вскоре углубилась. Поспособствовало этому различие между неокорпоративизмом-1 и

неокорпоративизмом-2. Обе стороны использовали одно и то же слово, хотя имели ввиду не совсем одно и то же. Часто, замечая активность государства, трипартичные институты, централизованный и ограниченный доступ к ним групп интересов, первые констатировали: это неокорпоративизм. Вторые утверждали то же самое, обращая внимание на согласованность и координированность в процессе принятия государственных решений. Эта проблема до сих пор не преодолена, так как слияние признаков двух подходов приведет к визуальной ясности и целостности. Но вряд ли такая массивная и, отчасти, искусственная конструкция будет истинной; если оставить признаки порознь и признать полиморфизм феномена, это лишь сохранит status quo с неясностями и двусмысленностями последнего.

Также дезинтегрируют понятие неокорпоративизма споры о его вертикальных срезах. Если основные черты макроуровневого феномена более-менее понятны, то мезо- и (особенно) микроуровень вызывают острые дискуссии учёных. “Яблоко раздора” – структурно-функциональные отношения между срезами. Удивительно, но обсуждается и то, может ли вообще существовать неокорпоративизм на более низких уровнях, чем макро. Главная проблема распадается на две составляющие: 1) количество и качество участвующих сторон на каждом уровне; 2) функции неокорпоративных практик на каждом уровне. Количественный индикатор показывает квантитативное соотношение Государства, Капитала и Труда (би- или трипартичные отношения), а качественный – особенности структуры и поведения акторов. В общем большинство исследователей согласны, что на всех уровнях неокорпоративных практик должно присутствовать государство. Существует согласие по трипартизму на макроуровне (Государство – Капитал – Труд, общенациональный масштаб функционирования) и, что интересно, часто возникающего бипартизма на мезоуровне (Государство – Капитал, секторальный масштаб функционирования). Однако серьезно оспариваются количественные показатели представленных сторон на микроуровне. Эти противоречия сопряжены с уже поднятым нами вопросом о легитимности использования концепта микрокорпоративизм. Виднейший исследователь этой отрасли А. Косон не видел какого-либо противоречия в таком понятии и рассматривал неокорпоративные практики на микроуровне преимущественно бипартичными (государство – конкретное предприятие). Именно присутствие здесь государства, считает учёный, – главная черта микрокорпоративизма, хоть и не все отношения типа государство – конкретное предприятие неокорпоративные. [5,120]. Таким образом, исследователь соединяет в одном феномене все три вертикальных среза. Противоположную мысль высказывает П. Вильямсон, утверждая, что говорить о бипартичном микрокорпоративизме ошибочно, ибо в отношениях такого типа нет опосредования интересов, необходимого для неокорпоративизма. Поэтому “возобновить” феномен может лишь привлечение Труда в эти отношения, что автоматическим порождает трипартизм и столь же вождельное опосредование интересов [16,163-165].

Такое научное противостояние опять возвращает нас к вопросу о неокорпоративизме-1 и неокорпоративизме-2. П. Вильямсон мог бы признать неокорпоративными согласованные и координированные бипартичные отношения между органами власти и конкретным

предприятием, если бы не был приверженцем институционального подхода.

Функциональная составляющая вертикальных срезов также неоднозначна. Рассматривая количество сторон и масштабы функционирования на каждом из уровней, нужно понять, какие конкретные задания выполняют неокорпоративные практики на соответствующих вертикальных срезах. Макрокорпоративизм отвечает за социо-экономическую стабильность и смягчение классовых конфликтов; мезокорпоративизм – за решения технических задач незначительной социальной важности. Эти два утверждения общеприняты. Однако не решена проблема Косона-Вильямсона о функциях микрокорпоративизма, ведь в ней содержится не только вопрос о би- или трипартизме, но и о социальном либо техническом наполнении. Также сложно на данный момент ответить на вопрос, возможно ли связать воедино все три среза, то есть признать за ними целостность, или признать их дискретными? Мы убеждаемся, что сферы функционирования на каждом из уровней разные. Государство присутствует на всех вертикальных срезах, но не всегда в одном и том же лице: оно появляется то как централизованный орган, то как локальные власти. В принципе, такая дифференциация присуща и другим акторам неокорпоративного процесса. Например, и Капитал, и Труд представлены на макроуровне ассоциациями наивысшего порядка, а на мезоуровне (в силу особенностей среза это скорее относится к Капиталу) – лидирующими ассоциациями сектора. А. Косон считает последнее важнейшим различием между макро- и мезокорпоративизмом [4,127], хотя на практике отношения не всегда выступают в чистом виде – особенно этому способствуют действия государства. Как мы уже подчеркивали, последнее может выступать в централизованной или локальной ипостаси, но не всегда наблюдается совпадение масштаба властей с масштабом уровня, так как довольно часто центральные органы власти функционируют не только на макро-, но и на мезоуровне. Случается также интересная ситуация неокорпоративных соотношений центральных властей с единичными, но мощнейшими предприятиями, которые контролируют или ощутимо влияют на определённую экономическую отрасль. По форме это касается микрокорпоративизма, хотя здесь нельзя не увидеть и мезокорпоративного содержания. Как результат – происходит переплетение функций разных вертикальных срезов и возникают сложности в определении их “местоположения”.

Нельзя не отметить ещё одну важную терминологическую проблему в этой отрасли. Г. Лембрух назвал неокорпоративизм-1 (как его трактовал Ф. Шмиттер) секторальным, а неокорпоративизм-2 (“свой” вид) – общенациональным и макроуровневым [11,62-64]. Учёный таким образом хотел показать, что институциональное понимание феномена не было новшеством и просто адаптировало старые подходы (типа идеи корпоративного государства в фашистской Италии) к демократическим реалиям. Но такое определение усложнило ситуацию с вертикальными срезами неокорпоративизма, ибо мезокорпоративизм, по сути, есть секторальным, а Лембрух говорил о макрокорпоративизме. Такие двусмысленности преследуют феномен в связи с неточностями соотношения институционального и функционального подходов.

Особенно остро чувствуются недостатки феномена неокорпоративизма при попытке эмпирического изме-

рения. Очевидно, что для этого процесса неокорпоративизм нужно разделить на некоторое количество индикаторов, максимально единичных и конкретных. Безупречно сделать это невозможно из-за объективных и субъективных причин. К первой группе относятся преграды, которые не зависят от мнения исследователей. Как правило, они сложнее, ибо относятся к самому исследуемому феномену и даже – к самой сердцевине гуманитарных наук (политологии также). Первую составляющую объективных проблем в изучении интересующего нас предмета (размытость и многовекторность неокорпоративизма) мы уже проанализировали. Теперь же добавим, что сама политическая наука не может быть полностью адаптирована к квантитативным практикам. Научные отрасли, исследующие деятельность человеческого самосознания в мире (как индивидуального, так и коллективного) очень часто не способны продуцировать истинное знание в его естественнонаучном понимании. Это имеет свои плюсы и минусы. Важно, однако, то, что объективные преграды усиливают субъективные. Исследователь-эмпирик понятие неокорпоративизм естественно не находит в “мире вещей” в виде монолита и пытается сложить и измерить его в виде мозаики (с помощью единичных индикаторов). Но, с одной стороны, последние не имеют бесспорных “распознавательных знаков” неокорпоративизма. Поэтому исследователь часто выстраивает значительную часть “мозаики” феномена, основываясь на собственном мнении. С другой стороны, очевидно, что большинство индикаторов у разных учёных совпадает, но даже пара несовпадающих влияет на результат. А если добавить к этому естественную разнородность индикаторов неокорпоративизма-1 и неокорпоративизма-2, то результаты некоторых исследований ощутимо отличаются. Существует два основных пути в борьбе с несовпадениями результатов: попытаться создать целостную и всеобъемлющую систему индикаторов, которая бы включала в себя всё разнообразие подходов к неокорпоративизму, либо выбрать конкретный вид феномена или даже отождествить последний с конкретным индикатором (например, централизованные переговоры по заработной плате). На наш взгляд, наилучшим в рамках первого подхода есть исследование Л. Кенворси. Учёный собрал все известные ему эмпирические исследования неокорпоративизма, выделил в них главные индикаторы (42) и модифицировал некоторые, по мнению исследователя, неточности в них. Л.Кенворси подчёркивал, что существующие индикаторы можно присвоить к соответствующим тематическим категориям. Последних исследователь выделил пять: четыре единичных – 1) организационные особенности групп интересов; 2) переговоры по установлению размеров заработной платы; 3) участие групп интересов в формировании публичного курса государства; 4) политико-экономический консенсус и одна множественная (включающая агрегированные индикаторы) [9,6]. Таким образом, учёный пытается измерить феномен во всей полноте. Представители второго подхода, как мы объясняли, предпочитают специализированное знание и “работают” с конкретными, пусть и ограниченными определениями. Среди значимых эмпирических исследований этого направления выделим работы А. Сяроффа (1999) и Я. Вольдендорпа (2011). Первый предложил чёткую дефиницию либерального корпоративизма и вывел “идеальный тип” последнего (4 кате-

гории, 22 индикатора), но эмпирически предпочёл измерять экономическую интеграцию вместо неокорпоративизма [15,175-179]. Второй, предвидя масштабность своего проекта (временной диапазон: 36 лет, 9 исследуемых стран), сразу предупредил читателей, что анализируется разработка корпоративного политического курса государства, то есть присутствует чёткая привязанность к неокорпоративизму-2, и наоборот, практически полностью отсутствует изучение институционального подхода – неокорпоративизма-1 [18,6]. Благодаря сужению предметного поля исследования, голландский учёный “посягнул” на категорические эмпирические результаты. Но и первый, и второй подходы свидетельствуют об острых проблемах с определением неокорпоративизма как понятийной целостности.

После необходимого анализа мы обосновываем предложенный метод исследования неокорпоративизма. Итак, на протяжении истории своего становления феномен постоянно агрегировал знание из разных сфер бытия, что и привело к значительным неясностям. Поэтому, на наш взгляд, современная научная стратегия в изучении неокорпоративизма должна состоять в дезагрегации последнего. Кроме предметного обоснования этого метода, существует ещё один аспект, касающийся философии истории, и более узко – философии науки. В своё время Г. Гегель заложил фундамент для изучения этих сфер бытия, используя категорию Духа. Особенно важным есть понятие “дух времени”. Поэтому отделять научные тенденции от общеисторических неправильно. Человечество вступило в мир глобализации и должно адекватно отвечать на современные вызовы. В “новом мире” стремительно меняются институты и функции, которые последние выполняют. Эта современность подчинена жёсткой динамике и не терпит неподвижных образований. Как точно подметил З. Бауман, “текучесть” есть главная метафора современной эпохи [1,8]. Чтобы адаптироваться к современным условиям, нужно максимально освободиться от систематичности. Это касается и науки, особенно гуманитарной. Конечно, в научном аспекте мы употребляем этот термин не в смысле принципа постепенного накопления результатов эмпирических исследований и классификации полученного знания, ибо без этого наука невозможна. Мы подразумеваем под этим термином устремлённое желание вместить в ограниченном количестве понятий неограниченное количество феноменов наличного бытия. И не оспариваем известное утверждение Г. Гегеля, что тот, кто изрекает понятие, изрекает всеобщее; мы критикуем создание искусственных, громоздких понятий путём агрегации единичных терминов. Можно попытаться упрекнуть этот подход в ложности, так как сама реальность подсказывает, что сборные понятия – неотъемлемая часть осмысления человеческим разумом наличного бытия, и более того подавляющее большинство понятий есть сборными и различаются лишь мерой агрегации. Это также верное замечание. Но не стоит забывать, что любое из понятий такого типа поглощает менее агрегированные понятия, и последние уже понимаются лишь как части целого, а не как сами по себе. Но если в естественных, точных науках большого вреда такая ситуация не принесет, поскольку предмет исследования всегда “перед глазами” и, как правило, поддаётся измерению, то в гуманитарных науках всё иначе, ибо последние содержат в себе метафизическую составля-

ющую. Политолог не может посмотреть в микроскоп и констатировать состав неокорпоративизма во всех деталях. В гуманитарных науках сложнее, чем в точных, адаптировать принцип “от бытия к сознанию”, и поэтому сборные понятия (в том числе исследуемое нами) в первой группе рискуют стать инструментом распространения ложного знания.

Современные политологи пытаются решить эту проблему путём дезагрегационного метода. Таким, например, является течение ИЗМоборцев (неофициальное название неформализованной группы, но, на наш взгляд, точно передающее суть вопроса), представители которого остро критикуют сборные понятия, которые, как правило, заканчиваются на -изм. Эти исследователи (особо выделены таких “измоборцев-неокорпоративистов” как: Л. Кенворси, Д. и Р. Колье, А. Кох, Г. Фалькнер, Г.Фукс) предпочитают использовать максимально “приземлённые” понятия, которые можно более-менее точно измерить. Мотивацию таких действий мы уже тщательно проанализировали. Отметим лишь, что в контексте нашего исследования ИЗМоборчество напоминает не только о проблемах неокорпоративизма, но и плюрализма.

Другое научное течение, практикующее дезагрегацию, по – новому относится к структуре политического пространства. Оно предлагает заменить системное понимание этой сферы сетевым. Сеть значительно гибче по сравнению с системой, позволяя быстро демонтировать и переконструировать себя в случае необходимости. Сеть не обязана также концентрироваться на глобальных, многоаспектных вопросах. Как отмечает С. Перегудов, сегодня активно действуют “целевые” сетевые образования [2,142], ориентирующиеся на малое количество либо на одну проблему. Очевидно, как и ИЗМоборчество, так и сетевой подход имеют общее понимание проблемы, но если первый из них главной своей целью видит достижение истинного знания, то второй — адаптацию и выживание политических институтов в новых условиях.

Неокорпоративизм, на наш взгляд, должен быть дезагрегирован ещё по одной, сугубо “личной”, причине. Перечисленные ранее глобализационные тенденции касались преимущественно всей гуманитарной науки и политического пространства в целом, поэтому наносили косвенный удар по неокорпоративизму. К сожалению, последний “разъедается” также изнутри. Католичество, социал-демократия, теория сильного государства-нации, классовый подход к бытию – всё то, на чём зиждется исследуемый феномен, находится в состоянии войны с новыми изменениями. В связи с этим, неокорпоративизм может стать (если уже не стал) анахронизмом в мире глобализации.

Итак, наши предложения по дезагрегации феномена следующие. Относительно неокорпоративизма как теоретической конструкции – вместо всепоглощающей объяснительной доктрины бытия должна использоваться теория среднего порядка. Последней хоть и не присуща величие научной системы, но она ближе “к грешной земле”, и у неё больше шансов продуцировать истинное знание [17,119]. В теоретическом аспекте следует “выяснить отношения” между неокорпоративизмом-1 и неокорпоративизмом-2. На наш взгляд, современные тенденции способствуют возрастанию роли второго вида и уменьшению роли первого. Динамичное координированное принятие политических решений в процессе формирования политического

курса государства на современном этапе значительно выигрывает на фоне статических конструкций с ограниченным входом. Хотя современный неокорпоративизм-2 вряд ли будет иметь глубокое ценностное наполнение, то есть вряд ли будет присутствовать чувство глубокой солидарности. Мы предполагаем, что новая версия должна руководствоваться критериями политической целесообразности и интереса, – неокорпоративизм превратится в одну из моделей политического поведения в отношениях политического обмена, которая будет применяться в том случае, когда будет выгодно. Применение дезагрегации в эмпирических исследованиях феномена рассмотрено в предыдущем содержании статьи, поэтому не будем на этом останавливаться.

Мы привели пример “мягкой дезагрегации”, когда за неокорпоративизмом сохраняется “право на жизнь”. Жёсткая версия метода предполагает демонтаж понятия вообще и соответствует ИЗМоборческому подходу. Мы придерживаемся взгляда, что дезагрегация должна быть умеренной эмансипацией единичного, соответствующей вызовам времени, но отнюдь не уничтожать сложные конструкции. Дезагрегационный метод не должен стать панацеей, а лекарством, выписанным строго по рецепту. Есть конструкции сложные, но, тем не менее, вполне понятные. Они не обязательно нуждаются в дезагрегации даже во время глобализационных изменений.

Отметим, что дезагрегация для неокорпоративизма является необходимой, однако неприятной мерой. Выживание достигаемое ценой потери идентичности и ценностного наполнения – одна из важнейших проблем современности. Потенциально превратившись в беспристрастную модель поведения в отношениях политического обмена, неокорпоративизм будет “идти в ногу” со временем, но потеряет многое в ценностном аспекте. Поэтому, если мы всё же признаём, что неокорпоративизм не только одно из ложных “ИЗМобразных существ”, но и что-то самостоятельное, истинное, то эта тенденция не может не волновать. Мы уверены: исследуемый нами феномен может попытаться избежать дезагрегации и может сохранить своё институциональное лицо, не взирая на значительную опасность такого шага. Для этого неокорпоративизму необходимо возвратиться к духовным истокам (католическая и социал-демократическая составляющие), то есть вспомнить корпоративизм и именно таким образом попытаться сохранить свою идентичность. В связи с этим нужно вспомнить в корень самого слова: в нём, кроме “тела” (которое своей эфемерностью часто вводит исследователей в заблуждение), есть намёк на “корпорацию”, конкретный институт. Несомненно, модель корпоративного государства в фашистской Италии была лишь идеологическим прикрытием, но именно чёткое изложение идей (при корпоративизме должны существовать корпорации!) заставило тогда серьёзно говорить об исследуемом феномене. Но мы снова констатируем: война против тенденций времени – удел смелых и дезагрегация значительно более безопасное, хотя, возможно, и не наилучшее, решение.

Подводя итоги, сделаем важное замечание: хотя “дух глобализации” активно пытается распространить-

ся по всему миру, он наталкивается на культурные особенности разных регионов и не всегда побеждает их идентичность. Постсоветское пространство также нельзя отнести к “поражённым”. Поэтому неокорпоративизм постсоветского типа не обязательно должен быть дезагрегирован сейчас, хотя бы потому, что он ещё по-настоящему не появлялся здесь (как это убедительно доказал С. Перегудов). Дезагрегационный метод, необходим там, где глобализация проникла глубоко, там, где демократический корпоративизм прошёл целый исторический цикл. Это пока не касается постсоветского пространства. Но так как глобализационные изменения очень динамичны, нельзя гарантировать, что эта ситуация будет “длиться вечно”.

Итак, рассмотрев дезагрегационный метод в изучении неокорпоративизма, мы подтвердили необходимость его использования таким образом: проанализировали теоретическую неясность исследуемого феномена разнородностью его идейных корней, а также дуализмом современного понимания (проблема неокорпоративизма-1 и неокорпоративизма-2), которое порождает новые двусмысленности, например, в изучении вертикальных срезов неокорпоративизма; аргументировали трудность поиска индикаторов для эмпирического измерения феномена, объяснив ее особенностью гуманитарных наук в целом и чрезмерной агрегацией разнородного знания в понятии неокорпоративизм; обосновали разрушительное влияние глобализации на системность, и в научно-теоретическом, и практическом аспектах. Исходя из перечисленных причин, было предложено следующие особенности дезагрегационного метода изучения неокорпоративизма. В теоретическом аспекте: 1) анализировать феномен как теорию среднего порядка, а не как всеобъемлющую доктрину; 2) сосредоточиться на неокорпоративизме-2 как более адаптированного к современным условиям по сравнению с неокорпоративизмом-1. В практическом аспекте: выделить наиболее понятные, эмпирически измеряемые индикаторы в соответствии с вышеперечисленными теоретическими наработками. Мы назвали изложенный подход мягкой дезагрегацией. Жёсткая версия метода предполагает полное разложение неокорпоративизма на простые индикаторы без последующего реверсивного процесса. Мы предпочли первый подход. Также обосновали, что дезагрегация неокорпоративизма скорее относится к вынужденным адаптационным мерам: феномен хоть и “остаётся в живых”, но теряет значительную часть своего ценностного наполнения. Поэтому мы предполагаем, что неокорпоративизм может попытаться избежать дезагрегации, возвратившись к своим духовным (католичество, социал-демократия) и этимологическим (корпорация) корням, но считаем этот путь рискованным. Дезагрегационный метод, на наш взгляд, неизбежен там, где глобализация проникла глубоко и неокорпоративизм прошёл исторический цикл развития, чего нельзя сказать о постсоветском пространстве. Таким образом, применение исследуемого метода к неокорпоративизму на этой культурно-географической территории не столь бесспорно, как в развитых демократических странах Западной Европы и Северной Америки.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / Z. Bauman; per. s angl.; pod

red. Y. V. Asochakova. – SPB.: Piter, 2008. – 240 s.; The liquid modernity.

2. Перегудов С.П. Новейшие тенденции в изучении отношений

- гражданского общества и государства / С.П. Перегудов // Полис. – 1998. – № 1. – С. 137–148.
- Peregudov S.P. Noveyshiye tendentsii v izuchenii otmosheniy grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva / S.P. Peregudov // Polis. – 1998. – № 1. – S. 137–148.; The newest tendencies in research of relations between civil society and government.*
3. Almond G. A discipline divided: schools and sects in political science / G. Almond. – London: SAGE Publications, 1990. – 348 p.
- Almond G. A discipline divided: schools and sects in political science / G. Almond. – London: SAGE Publications, 1990. – 348 p.*
4. Cawson A. Corporatism and local politics / A. Cawson // The political economy of corporatism; ed. W. Grant. – New York: St. Martin's Press, 1985. – P. 126–147.
- Cawson A. Corporatism and local politics / A. Cawson // The political economy of corporatism; ed. W. Grant. – New York: St. Martin's Press, 1985. – P. 126–147.*
5. Cawson A. Corporatism and political theory / A. Cawson. – Oxford: Basil Blackwell Publishers, 1986. – 174 p.
- Cawson A. Corporatism and political theory / A. Cawson. – Oxford: Basil Blackwell Publishers, 1986. – 174 p.*
6. Crouch C. Corporatism in industrial relations: a formal model / C. Crouch // The political economy of corporatism; ed. W. Grant. – New York: St. Martin's Press, 1985. – P. 63–88.
- Crouch C. Corporatism in industrial relations: a formal model / C. Crouch // The political economy of corporatism; ed. W. Grant. – New York: St. Martin's Press, 1985. – P. 63–88.*
7. Crouch C. Pluralism and the new corporatism: a rejoinder/ C. Crouch // Political studies. – 1983. – Vol. 31(3). – P. 452–460.
- Crouch C. Pluralism and the new corporatism: a rejoinder/ C. Crouch // Political studies. – 1983. – Vol. 31(3). – P. 452–460.*
8. Jordan G. Pluralistic corporatisms and corporate pluralism / G. Jordan // Scandinavian Political Studies. – 1984. – Vol. 7. – P. 137–154.
- Jordan G. Pluralistic corporatisms and corporate pluralism / G. Jordan // Scandinavian Political Studies. – 1984. – Vol. 7. – P. 137–154.*
9. Kenworthy L. Quantitative indicators of corporatism / L. Kenworthy // International Journal of Sociology. – 2003. – Vol. 33 (3). – P. 10–44.
- Kenworthy L. Quantitative indicators of corporatism / L. Kenworthy // International Journal of Sociology. – 2003. – Vol. 33 (3). – P. 10–44.*
10. Kenworthy L. Theories and practices of neocorporatism / L. Kenworthy, W. Streeck // The Handbook of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization; ed. T. Janoski. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 441–460.
- Kenworthy L. Theories and practices of neocorporatism / L. Kenworthy, W. Streeck // The Handbook of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization; ed. T. Janoski. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 441–460.*
11. Lehbruch G. Concertation and the structure of corporatist networks/ G. Lehbruch // Order and conflict in contemporary capitalism; ed. J. Goldthorpe. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 60–80.
- Lehbruch G. Concertation and the structure of corporatist networks/ G. Lehbruch // Order and conflict in contemporary capitalism; ed. J. Goldthorpe. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 60–80.*
12. Lehbruch G. Liberal corporatism and party government / G. Lehbruch // Comparative Political Studies. – 1977. – Vol. 10(1). – P. 91–126.
- Lehbruch G. Liberal corporatism and party government / G. Lehbruch // Comparative Political Studies. – 1977. – Vol. 10(1). – P. 91–126.*
13. Newton R. C. Natural corporatism and the passing of populism in Spanish America / R. C. Newton // The Review of Politics. – 1974. – Vol. 36 (1). – P. 34–51.
- Newton R. C. Natural corporatism and the passing of populism in Spanish America / R. C. Newton // The Review of Politics. – 1974. – Vol. 36 (1). – P. 34–51.*
14. Schmitter Ph. C. Still the century of corporatism? / Ph. C. Schmitter // The Review of Politics. – 1974. – Vol. 36 (1). – P. 85–131.
- Schmitter Ph. C. Still the century of corporatism? / Ph. C. Schmitter // The Review of Politics. – 1974. – Vol. 36 (1). – P. 85–131.*
15. Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement / A. Siaroff // European Journal of Political Research. – 1999. – Vol. 36 (2) – C. 175–205.
- Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement / A. Siaroff // European Journal of Political Research. – 1999. – Vol. 36 (2) – C. 175–205.*
16. Williamson P. Corporatism in perspective: an introductory guide to corporatist theory / P. Williamson. – London: SAGE Publications, 1989. – 272 p.
- Williamson P. Corporatism in perspective: an introductory guide to corporatist theory / P. Williamson. – London: SAGE Publications, 1989. – 272 p.*
17. Wilson F. A. Interest groups and politics in western Europe: the neo-corporatist approach / F. L. Wilson // Comparative politics. – 1983. – V.16. – P. 105–123.
- Wilson F. A. Interest groups and politics in western Europe: the neo-corporatist approach / F. L. Wilson // Comparative politics. – 1983. – V.16. – P. 105–123.*
18. Woldendorp J. Corporatism in small North-West European countries 1970 – 2006: business as usual, decline, or a new phenomenon? / J. Woldendorp // Working Paper Series Department of Political Science. – 2011. – Vol. 30. – P. 1–49.
- Woldendorp J. Corporatism in small North-West European countries 1970 – 2006: business as usual, decline, or a new phenomenon? / J. Woldendorp // Working Paper Series Department of Political Science. – 2011. – Vol. 30. – P. 1–49.*

Vovk Y.B. Disaggregation as a method of research of neocorporatism in a modern political science

Abstract. The possibility to use the method of disaggregation in modern studies of neocorporatism is being considered. According to this aim it's being checked if any entire ideological and structural picture of phenomenon can be found and how globalization influences on the latter. After the main features of modern neocorporatism are being revealed it's being analyzed if it's desirable to use method of disaggregation concerning the investigated phenomenon.

Keywords: neocorporatism; disaggregation; globalization; groups of interest; post-soviet space.